

Александр Доставалов

СОН, ОТ КОТОРОГО НЕ ПРОСЫПАЮТСЯ

(отрывки из романа)

ГЛАВА 14

Выходя из женских комнат, Фред привычно расслабился на контроле, очищая мозг. До пустоты. Равнодушно посмотрел на углового пи-ка. Тот сонно тарачился на его показатели из-за бронированного стекла. Числа были безупречны. Вряд ли этот кретин сообразит, что сегодня не его очередь идти к женщинам. Лица проходящих контроль для углового не существенны. Важно только то, что показывает психотест. А здесь у нас всегда порядок.

Пропустил. Разрешающий жест и внимательный, покровительственный взгляд все контролирующего идиота.

Новый маршрут; несколько минут ходьбы по другому коридору, Фред никогда не бывал здесь прежде. Ничего особенного. Такие же обшарпанные стены, такие же лампы, скрытые за прозрачными листами старого пластика, поцарапанного во многих местах. Только рисунок другой. Воздух суше. Да грязи на стенах больше. Фреду вдруг захотелось увидеть что-нибудь по-настоящему новое. Например, птицу. Как она летит. И как машет крыльями. Он был уверен, что при полете птица должна взмахивать крыльями. Какие они, крылья? И перья. И как она летает, в небе, под самым потолком... Он понимал, что это должно быть очень красиво.

Фред едва не опоздал к началу смены.

Работал он хорошо. Так же четко, как всегда, хотя практически без удовольствия. Правильное решение задачи, когда оно получалось, находить было приятно. Но не так приятно, как это бывало обычно. Устойчивого состояния эйфории, удовольствия от самого процесса труда уже не ощущалось. Видимо, все это было заложено в сиреневых искрах, которыми его пичкали каждый вечер. Каждый вечер, изо дня в день... Фред задумался, анализируя ежедневный распорядок сота. Интересно, это же так просто. Почему никто раньше не сообразил такой простой вещи? Неужели он действительно самый умный в соте?

Компьютер жалобно запищал и замигал красной лампочкой. Неточность в допусках, неприятно. Фред исправил ошибку и почувствовал, что начинает уставать.

Без допинга работалось сложнее. Надо было что-то предпринять, причем что-то кардинальное, иначе к концу дня ошибок будет много. А когда у Программиста много ошибок... Это может иметь самые нежелательные последствия. Фред вывел на экран схему случайного распределения задач. Интересно. Очень интересно. Программистов у них в соте восемь, причем все дисплеи, естественно, работают через общую сеть. Значит...

Он колдовал над решением этого вопроса около трех часов – почти половину своего рабочего времени. На его экране скопилась целая очередь обычных задач – завал, как у новичка в первые дни работы. Но он все-таки подобрал пароль и смог обойти стандартную блокировку. Для этого ему пришлось написать две дополнительных программы, перебирающие код по буквам и по цифрам, и еще одну корявую программу наложения, комбинирующую результат.

Компьютер думал очень долго, но все получилось. Фред нашел код и имел теперь собственную программу поиска на тот случай, если этот код надумают изменить.

Это было замечательно.

Он тут же рассовал все свои задачи остальным программистам и сел отдохнуть. Затем подумал, что надо бы улучшить программу поиска паролей; та, что у него получилась в спешке, работала слишком медленно. Впрочем, основная цель была достигнута. Как только кто-нибудь решал его задачу, на экране? Фреда появлялось соответствующее сообщение, а он считывал в память своего компьютера готовый результат. Уже через час его показатели выросли до нормального уровня, а через два часа он имел лучшую статистику в смене.

Скоро ему пришлось вернуться в обычный режим, чтобы не побить все возможные рекорды производительности. Как он и ожидал, никто из остальных программистов ничего не заметил. Им неважно, откуда задачи. Им важно, чтобы их было больше. Чтобы можно было сидеть и решать, решать, решать, чувствуя, как сладко ноет, щекочет внутри черепа и в паху, как все внутри дрожит от возбуждения и счастья.

Совсем недавно он тоже это чувствовал. Мурашками бегала по телу теплая ласковая волна. Сегодня где-то там, в глубине живота, зияла пустота. Как будто что-то выдернули, вырвали с корнем. Что-то липкое, очень приятное и вкрадчивое. Что-то, уже ставшее частью его самого.

Теперь он мог работать ровно столько, сколько хотел. И заниматься на работе чем угодно. Отдыхать. Думать. Развлекаться. Вот только вставать с кресла нельзя, придется сидеть возле компьютера. И еще теплая волна – ее больше не было. А она была очень приятной. Очень. Но...

Все оставшееся время Фред просто отдыхал. Ему еще надо было привыкнуть к своей новой жизни.

* * *

Наконец, нашлись и газеты и книги. Несколько десятков зачитанных, замасленных брошюр в дешевых обложках и множество пыльных газет. В основном это были «Труд», «Правда», и «Алтайский пионер». Скалолазы тут же расхватили всю кипу.

– Какой кошмар... Какой кошмар... Ты посмотри...

– Здесь была ядерная война, ребята!

– Господи, куда же мы попали? Это сон. Это просто длинный сон.

– Это сон, от которого не просыпаются.

– Я не хочу. Я так не хочу. Я не хочу так!!!

– Успокойся, Оксана.

– Я домой хочу. Я хочу домой, понимаешь, ты, придурок!!!

– Оксана, уймись.

– Успокойся, маленькая.

Оксана зашвырнула автомат в угол, где на скрипучей койке громоздились тряпки и кастрюли,

уткнулась Володе в плечо и разрыдалась. Звякая, прокатилась к стене старая жестяная миска. Вовка чуть пригладил ее волосы, прижал к себе и зашептал на ухо что-то успокаивающее.

– Шелленберг – фюрер. Шелленберг. Вождь, блин. У меня в голове не укладывается.

– А здесь все по-немецки... Целая страница. Кто немецкий знает?

– Это совершенно другой мир. Но те же люди. Странно.

Женька наткнулся на старенький учебник истории и принялся торопливо его перелистывать. Через его плечо заглядывали сразу трое.

– Не спеши.

– Да тут все по- другому.

– Нет, где-то мы разошлись. Это не будущее и не прошлое. Это параллельный мир.

– Вот, смотри. Начало века. Все то же самое. До четырнадцатого года все общее! Точно. Революция в пятом году в России... Первая мировая... Те же люди, Ленин, Сталин... Та-ак... Отречение от власти прогнившей монархии... Революция семнадцатого года... Выстрел Авроры. Штурм Зимнего дворца. Нет, не те же. Каменева нет, Бухарина, Зиновьева...

– Дай сюда. – Димка выхватил у него учебник и потеснил плечом так, что теперь видно было обоим. – Действительно. Значит, уже тогда?

– Ничего это не значит. Их и в наших учебниках не было, помните? Их всех вычеркнули, вымарали еще в тридцатых. Ты не по фамилиям, ты по фактам смотри. Когда здесь началась Вторая мировая?

– Сейчас... Сорок первый... Вторая мировая... Ух ты, не может быть. Нету. Нету, блин. Погоди, Шелленберг?! Так их, наверное, немцы победили?

– Точно. Ничего себе.

– Не может быть. Чтобы Сталина – немцы?! Хотя если в сорок первом...

– Рыжая, кто в войне победил, мы или немцы?

– В какой войне?

– Отстань от нее, сами разберемся. Смотри. Мать честная, смотри! Читай здесь.

– У них вообще Гитлера не было! Погоди, по справочнику, в конце фамилий... Гитлер... Адольф Шикльгрубер... Или как там его? Нету. Не может быть. А вот, Хитлер, Адольф. Есть. В смысле был. Троцкист.

– Кто?

– Троцкист. Убит в тридцать четвертом году во время попытки захвата власти в социалистической республике Германия. Социалистической республике Германия. Ничего себе...

– Что за бред? Как это Гитлер может быть троцкистом?

– А так же, как Бухарин японским шпионом.

Зойка заерзала в своем углу и заинтересованно спросила:

– А кто такой Гитлер? Эй, вы! Это и есть ваш Табаков, что ли?

– Уйди, Рыжая. Иди вообще отсюда, что ты тут делаешь?

– Ты свихнулся, Дима? Куда она пойдет? Это ж ее дом! И их планета.

– Mamочка, куда же мы попали...

– Кто же здесь у власти? Не демократы, это точно. Здесь какая-то смесь, объединение фашизма с коммунистами. Смотри, вот, вступление Германии в СССР на правах равноправного члена федерации. Письма трудящихся, непреклонная воля народа... Заявление правительства... У них войны не было. Представляешь, у них войны с немцами вообще не было! Кошмар.

– Так что тут плохого? Не было и хорошо. Счастье какое, война с Гитлером. Что там дальше?

– А дальше, Вова, триумфальное шествие советской власти, будь она неладна. Ты посмотри, здесь карта есть. Уа-у! Франция, Бельгия, Швеция... Англия... И война со Штатами. С небольшими перерывами двадцать лет войны. Или даже больше, тут смотря как считать.

Ничего себе... Двадцать лет войны со Штатами. Мама дорогая...

– О, Господи...

Теперь в учебник заглядывали уже пятеро.

– Ты смотри, что тут творилось... Империалисты нанесли вероломный бомбовый удар. Ядерное оружие. Химическое оружие. Ответные действия советских войск... Вынужденная мера... Бактериологическое оружие японцев... Неспровоцированное нападение... Коварные замыслы распоясавшихся поджигателей войны...

– Это про кого?

– Про американцев, конечно.

– Бред какой, как будто в прошлое попали... Нет, ты текст чувствуешь? Перечень городов, погибших в войне с американцами... Ой, мама... Точно, Красноярск есть... То есть, уже нет Красноярска... И Москва... И... Ой, мамочка... Что же тут творилось...

– Первая атака крутолетов на советские войска в Аргентине. Что такое крутолеты, Жень?

– Откуда я знаю? Какое-нибудь местное оружие. Лучше скажи, что делали советские войска в Аргентине.

– Да они там... Нет, смотри, здесь рисунок есть. Так это же вертолеты. Точно, вертолеты. А почему крутолеты?

– Потому что вертолеты создали в пятьдесят втором. Или в сорок девятом? Ну, в общем, их тогда же и назвали. А здесь они когда появились?

– Бог его знает. Хотя вот, здесь дата есть. В пятьдесят третьем. На год позже. Или это их использовали в пятьдесят третьем?

– Да какая разница, вертолет, крутолет. Как не обзови, одно и то же.

– Чего ж теперь делать- то?

– Чего делать? Домой позвони.

– Нет, серьезно. Нам же теперь точно деваться некуда. Хоть что делай, деваться некуда. Некуда идти.

Как-то сразу все одновременно потеряли к учебнику интерес. Теперь его листал один Димка.

– Ну почему? Они же к нам как-то попали. Значит, и мы вернуться сможем.

– погоди. погоди. – Женька снова вынул учебник из рук Димки. Тот вздохнул, бережно вытащил папиросу и ушел курить в коридор.

– Надо точно установить дату, когда их мир стал отличаться от нашего.

– А зачем это тебе? – Вовка, сидевший рядом, уже читал газеты.

– Еще не знаю. Может, это никакого значения не имеет, а может быть, наоборот, очень важно. Давай попробуем.

– Вряд ли получится. Примерно – еще куда ни шло, с точностью до года, может быть. А точнее... У нас же нашего учебника нет, сравнивать.

– Ребята, кто лучше всех историю знает?

За всех ответила Ирина.

– Гера. Это к Гере. Или к Димке.

– Гера, давай. Прояви интеллект.

Маленький Гера, читавший какую-то статью, отчеркнул ногтем абзац и развернулся.

– Слушаю.

– Гера, ты справку по истории можешь дать?

– Пожалуйста. Только я, в основном, древнюю историю читал. Двадцатый-то век не очень.

– Ладно, потом разберемся. Все нормально. – Женька, видимо, принял какое-то решение. – Дальше газеты. Ира, Лена, Гера и Володя. Давайте, всю кипу надо разобрать и выяснить, что у них тут сегодня происходит. Прочитать все, каждую заметку, каждый абзац, даже если в него рыбу заворачивали.

– У меня так поросенок пригорит. Я только чуть-чуть почитаю.

– Зачем все, Женька? Ты не горячись, тут же в основном пропаганда. Как раньше в наших. Заберем их с собой, что надо будет – прочитаем. А сейчас – просмотреть внимательно, и хватит. Тут про демонстрации, солидарность и успехи. Зачем оно нам?

– Да, Жень. Лучше выспаться. В горах с этой кипой веселее будет. И растопка хорошая. Смотри, сколько прессы. Здесь газеты лет за пять. И, кстати, все равно здесь одно старье. Заканчивается мартом.

Женька задумчиво почесал подбородок.

– Так. Действительно, газет очень много. Ладно, пойдем на компромисс. Последний месяц внимательно просматриваем, читаем все подряд, остальное заберем. Миша, ты тоже за газеты. Разделите пачку. У вас полчаса, потом поедим и будем спать. Игорь, тебе караулить. Накинь полушубок, там прохладно. И не стрелять ни в коем случае.

– Херошо. А если кто зайдет?

– Если кто зайдет, даже во двор – отключай. Только сам туда не выходи, не маячь попусту.

– Отключать руками?

– Баллончиком. Если газ не сработает, тогда руками. Ни с кем ни разговаривай. Коли много гостей будет, позови нас. Рыжая, вы кого-нибудь ждете?

– У меня имя есть.

– Зоя, вы кого-нибудь ждете?

– Никого мы не ждем. Слушай, я тоже буду поросенка есть.

– Юля, как будет готово, дашь ей тарелку.

Зойка дернулась было встать со своего места.

– Сидеть. – В голосе Женьки на мгновение сверкнул металл. – Зоя, тебе пока нельзя подниматься. Как сидишь, так и сиди. Иначе тебя придется опять связать, на всякий случай. Договорились?

– Договорились. Я в туалет хочу.

– Юля, проводи ее в туалет. Рыжая, отставить, Зоя, покажешь, где туалет. Туда и обратно, без фокусов. Игорь на подстраховке.

Заскрипели половицы. Игорь внимательным взглядом провожал подконвойную Зойку. Видно было, что он готов к любому ее выбрыку или рывку. Ничего, однако, не произошло.

Через несколько минут они вернулись, а во двор тем же маршрутом вышел Ромка. На ходу он дочитывал газету.

Комната– кухня, низкий чердак и крохотный подвал с овощами. Холодная прихожая с грубо сколоченными, покосившимися от старости шкафами. Давно не беленая печь.

Скоро скалолазы закончили осмотр дома. Рома вернулся со двора, притащив из сарая ворох старой одежды, и что-то пошептал Женьке на ухо. Тот отрицательно покачал головой. Вовка оторвался от кипы газет, потянул носом воздух и спросил:

– Женька, ну зачем тебе сдались эти газеты? Какие-то фоны, эсэсовцы, комсомол... Ты хочешь, чтобы я все это сразу понял?

– Нам надо в ситуации разобраться. Хоть чуть-чуть. Причем сделать это желательно сегодня. А тебе что, читать неинтересно?

– Да нет, интересно, конечно. Только поросенок так пахнет. Может, еще картошечки почистить?

– Поросенок скоро будет готов. А картошечки... пожалуй, надо почистить. Кстати, Зоя, мы тут у

вас возьмем кое-что. Из старой одежды. Может, оно для вас ценное. Но нам это необходимо, иначе нам просто хана. Взамен можем оставить один из автоматов, или вот – носовые фильтры. Это, конечно, маловато, но у нас больше ничего нет.

Рыжая девчонка сумрачно глянула на него.

– Что тебе здесь, ярмарка? Картошечки ему. Берите, что хотите и проваливайте. А это чо?

– Где?

– Ну, вот это, у тебя в руках?

– Так это же ваше. В смысле, из вашего мира. То есть, ты же должна знать. Это носовые фильтры. Как противогаз.

– А... Ничего себе. Их, по-моему, нофили называют. Так это очень хорошая вещь, они даже в районе не продаются. Где вы их взяли?

– Хм. Да так. Случай подвернулся.

– Значит, правду про вас по радио говорили?

– А что про нас говорили?

– Ну... Что вы американцы, сбежавшие с зоны. Что вас ищут, скоро поймают. Что вы всех убиваете, что вы хорошо вооружены. И охрану перебили. Ну, и остальное там... Нет, остальное, наверное, брехня.

– Что брехня?

Зойка пренебрежительно махнула рукой, показывая, что не верит в остальное.

– Ну, ты же тут главный?

– Да у нас главного нет, хотя... Наверное, я.

– Что ты диверсант. Травил в детских садах Караганды воду. Да ерунда это. У нас когда кто ни убежит, всегда сообщают: террорист, диверсант, шпион. Иногда маньяк или убийца.

– А что, нормальные люди из лагерей не бегают?

– Бегут-то все, только мало кто удачно. А вот когда по радио объявляют, так всегда чего-нибудь соврут. А вы правда из лагеря сбежали?

– Нет.

– А откуда оружие? Его же нельзя носить в свободной зоне. Кстати, нофили оставь, хотя бы один. Я еще таких не видела.

Женька хмыкнул.

– Интересная у вас тут лексика. Свободная зона, это где вы с тетей живете?

– Ну да.

– М-да, сочетаньице. Я тебе четыре штуки оставлю. Тебе, тете, и про запас.

– Четыре нофиля? Нормально. Да за них можно несколько овец выменять. У нас газ часто.

– Ну, и хорошо. Бери, у нас еще есть. А мы будем поросенка есть почти с чистой совестью. Кстати, может, тетю тоже развязать?

Вовка, уже орудовавший ножом над чугуном картошки, вмешался в их разговор:

– Не надо. Тетя пусть еще посидит.

Рыжая девчонка замялась и нечего не ответила. Женька склонился над ворохом старого тряпья.

* * *

– Женька, смотри, что я нашла! – Юля сняла с верхней полки запыленную гитару. – Одной струны нет. Попробуй сыграть, а? Так давно музыки не слышали.

– Гитару я вам не отдам, – в голосе рыжей девчонки послышались прежние металлические нотки.
– Это брата моего гитара.

– А где он сам?

– Он погиб два года назад. Хотя тебя... вас это не касается.

– Гитару мы оставим, Зоя. Мы только сегодня немножко поиграем, ладно? Только сегодня вечером. Кстати, Володя, развяжи ты ее тетку. Что ты как пацан, честное слово. На старуху обиделся.

Вовка пробурчал что-то невнятное и принялся развязывать веревки. Когда изо рта старухи, наконец, выпала пропитанная слюной тряпка, она отерла морщинистой рукой губы, глубоко вздохнула и снова принялась ругаться. На этот раз свою порцию получила Зойка.

– Дура стриженная, верблюжье копыто тебе в дышло, отдать поросенка за четыре затычки в нос, да чтоб тебя твои куры вместе с петухами затоптали на ферме, вся в дерьме, а туда же, активистка хренова, четырех затычек ей не хватает, вот заткнут тебя сразу четверо, доактивировалась до белых фонарей, мозгов нет и не было никогда, кретинка недоношенная, ты еще покажи им, где сало лежит, они тут все сожрут, дармоеды проклятые, набежали и книжки читают, не могла пять фильтров попросить? Продали бы три, хоть картошки бы купили, ох, вся в мамку свою, та такая же была дура, пугалась то с матросом, то с путейцем, все по любви да по любви, ни хрена не нажили, в рот твою в бога душу снять, перевернуть и перед вторым заходом задницу расправить, один ветер в амбаре, зато техникум закончила, мозги полоскать научилась, вот правильно тебя, дуру, из комсомола-то поперли, лучше б замуж вышла, чем одну капусту целый месяц лопать, уже на ушах висит эта капуста, берегли картошку, берегли, теперь эти все сожрут...

– Тетя, – голос Женьки был предельно вежлив, но негромкий речитатив старухи сразу оборвался,
– Я разрешаю вам кушать, но запрещаю говорить. Не вставать с места и ни единого слова без моего на то согласия. Понятно?

Старуха кивнула. Затем придвинула к себе тарелку и удобно уселась, скрестив ноги. Крепко взяла ложку.

– Вы на нее не обижайтесь. – Зойка смотрела, как жадно ест ее тетя. – Она три года как из лагеря

вернулась, ну и... Теперь всегда так. Раньше она хорошая была.

Тетя повернула к ней голову и неодобрительно взглянула на племянницу, не отрывая мяса от желтых зубов, но промолчала. На ее подбородок стекали жирные капли.

– Женька, ты ведь сыграть собирался.

– Ладно. Сейчас, – пока скалолазы и хозяева наперегонки уминали поздний ужин, Женька старательно подкручивал колки гитары, время от времени тренькая струной, словно пытаясь добиться какого-то нового, удивительного звучания. Затем он быстро съел свою порцию мяса, вытер сухарем подливку и налил в пиалу чай. Шелест старых газет сразу стих. Петь Женька любил и умел, и все ребята это знали.

– Ну, Зоя... – его пальцы в последний раз прикоснулись, почти погладили колки. – Слушай песни нашего мира.

И Женька, медленно перебирая струны, взял первый аккорд.

За окном уже мерцали звезды. Лампу погасили, зажгли огарок свечи, и по углам комнаты заколыхались причудливые тени. Тихий, чуть охрипший голос Женьки то ли пел, то ли говорил, то ли просто шептал прямо в душу:

Под небом голубым есть город золотой,

*С прозрачными воротами и яркою
звездой...*

*А в городе том сад, в нем травы да
цветы...*

Гуляют там животные невиданной красоты...

Рыжая девчонка молчала. Глаза ее чуть заметно поблескивали в пламени свечи; казалось, в черной глубине зрачков вспыхивают искры. После Гребенщикова Женька спел несколько текстов «Наутилуса», затем кое-что из «Агаты Кристи». На «Агате» скалолазы завелись и стали подпевать, прихлопывая ладонями ритм. Зойка тоже начала тихонько раскачиваться, губы ее что-то пришептывали. Старуха молчала, но видно было, что она внимательно слушает. Наконец, Женька закашлялся и отхлебнул из пиалы остывший чай. Затем еще раз подтянул струны.

– Я прошу прощения за качество исполнения – Высоцкий.

Север, воля, надежда, земля без границ...

*Снег без грязи, как долгая жизнь без
вранья...*

Воронье нам не выключет глаз из глазниц,

Потому, что не водится здесь воронья.

Кто не верил в дурные пророчества...

В снег не лег ни на миг отдохнуть...

Затем он спел «Балладу о любви» и «Охоту на волков».

Старуха встала, полезла в неприметный пыльный шкафчик, достала оттуда банку кизилового варенья и молча поставила его перед Женькой. Он внимательно на нее посмотрел и, выдержав долгую паузу, заиграл «Баньку», четко выговаривая слова.

Старуха плакала. В огромных, ставших удивительно красивыми Зойкиных глазах тоже стояли слезы. Она что-то шептала, будто молилась, а ее длинные, нервные пальцы с неухоженными ногтями безжалостно теребили кусок клеенки, оторванный от скатерти. Пламя умирающей свечи металось по стенам, граненый стакан на столе мерцал бликующим оранжевым огнем. Женька поскреб подбородок и с сожалением отодвинул гитару в сторону.

– Вы откуда, ребята? – тихо вымолвила Зойка.

– Из Красноярска, сестренка, – так же тихо ответил кто-то из скалолазов.

– Но Красноярска давно нет.

– Это мы поняли. Мы, девочка, из другого мира.

– Из будущего?

– Нет. Просто из другого мира. Не такого, как ваш.

На какое-то время повисла тишина. Все молча следили за догорающим огнем. Затем Зойка спросила:

– Так вы, наверное, гильбронавты?

– Как ты сказала? – Женька встрепенулся, словно собака, почуявшая след.

– Гильбронавты. Об этом в газетах писали несколько лет назад. Потом перестали писать. Засекретили.

– Может быть. Очень может быть. У нас, Зоя, нет такого слова – гильбронавт. Может, это космонавты у вас так называются?

– Кто?

– Космонавты. Те, кто на ракетах в космос летают.

– Да разве на ракетах можно летать? Они же маленькие.

– погоди. Постой. У вас космические корабли есть?

– Может, и есть что-нибудь, что так называется. Но я о них не слышала. – Зойка потянулась через весь стол и взяла сухарь из под руки Димки. Тот, опоздавший на какую-то секунду, огорченно щелкнул пальцами. Зойка ехидно ему улыбнулась и начала вымазывать подливу.

– Очень интересно. Мы друг друга не понимаем. Ребята, что там получается из газет? Неужели они в космос не летают?

– Ничего об этом нет, Евгений. Запускают в стратосферу метеорологические зонды. И все, кажется.

– Так. Понятно. А американцы?

– Американцев уже нет как страны. Есть Восточноамериканская военная зона, временно оккупированная советскими войсками. Есть еще какая-то, якобы индейская структура на Западе. Надо полагать, мы их освободили от гнета бледнолицих. Федеративная советская республика. А вот о гильбронавтах, действительно, была где-то статейка.

– А ну, прочитай.

– Так я ее залистнул. Я решил, что это аквалангисты.

– Найди, Ромка. Похоже, что это к нам имеет самое прямое отношение. Гильбронавт. Термин какой-то странный. Кто-нибудь знает, что это может обозначать?

– Космонавт летает в космосе. Летчик просто летает. Водолаз под водой работает.

– Астронавт по астрам ходит.

– Дима, чтоб ты знал, астра – это звезда по-американски.

– Я запишу. Но все равно, на звезды они пока не высаживались.

– Все равно, термин понять можно. Хотя в чем-то он не удачен. Но что такое это гильбро? На слух, действительно, напоминает воду и пузырьки.

– Интересно, как у них вертолетчики называются.

– Наверно, крутолетчики. Или крутые летчики. Смешно.

– Не более смешно, чем вертолетчики. Или летчики вертлявые.

– А может, это под землей что-то? Или богиня какая-то, как у геологов?

– А какая богиня у геологов?

– Здравсьте. Гея, конечно.

– А, ну да. Кто у нас по богам спец? Рома, что там у тебя, нашел?

Ромка, перелиставший всю свою пачку, смущенно потупился.

– Знаешь, Евгений, я ее, наверное, уже не найду.

– Стоп. По-моему, такой математик был. Мы на втором курсе что-то учили. Гильберт. Или Гильберет... Точно не помню.

– А почему мы не учили?

– Так я же до медицинского на экономфак ходил. Два года.

– Ну, и что это был за математик?

– Да я не помню. Там что-то о множестве евклидовых пространств.

– А ну, а ну! Вспоминай!

– Да не помню я. Может, я и фамилию переврал.

– Учить надо, что задают. Двоечник.

– Я тогда уже переводился. Со второго на первый.

– Из-за чего?

– Из-за неуспеваемости.

– Так ото ж. Ото ж оно ото о так. Зойка, что такое гильбронавт?

– Это разведчик. Исследователь других миров. Других планет.

– Они летают на другие планеты?

– Ну... Они не летают, как туда прилетишь? Они гильбронируют. Они как-то сразу там оказываются. Только для этого подготовка специальная нужна, и оборудование. Или только оборудование, не знаю точно. Я фотографию видела, давно, там несколько многоэтажных зданий, целый комплекс.

– Где это, там?

– Под Москвой. В Клину. Не в самом Клину, а там, рядышком. А еще есть в Пекине и в Токио. И еще, кажется, где-то в Латинской Америке, город такой небольшой. Сан-Пауло, что ли. Но вы-то, значит, не гильбронавты?

– Нет, Зоя. Мы не гильбронавты.

– Но вы из другого мира?

– Да.

– Так как же вы здесь оказались?

– А нас, судя по всему, ваши замечательные разведчики решили взять с собой. Как материал для опытов. Оксана, расскажи ей. У тебя это получится.

Оксана сидела в самом углу лавки, опираясь боком о стену, зябко подобрала ноги. Руки она спрятала на груди, укрывшись старым серым пледом. Глаза, не отрываясь, смотрели на свечу. Услышав Женькины слова, она медленно повернула голову. Взгляд ее был пуст, как у мертвеца. Механическим жестом она показала на место рядом с собой. Зойка встала, одернула свое выгоревшее на солнце платье и пересела к ней поближе. Они начали тихо говорить. Оксана рассказывала, лицо ее было бесстрастно- равнодушным, а Зойка сначала что-то переспрашивала. Потом замолчала.

– Хлопцы, что же делать-то будем? Ведь это хана. Чистая хана. Хуже, чем если б мы были на Луне.

– На Луне ты бы уже задохнулся.

– Нам отсюда никогда не вернуться. Никогда. Сколько ни беги, бежать некуда.

– Вова, не паникуй. Все херошо. – Огромная лапа Игоря тщательно ополаскивала кипяточком банку из под кизилового варенья. Результат он вылил в свою чашку. – Я недавно думал, что мне не выбраться из камеры. Я уже чувствовал себя подопытной лягушкой, особенно когда они эту музыкалку включали. И Пашка как кричал, помнишь?

– Точно, Игорь. А сегодня мы на свободе. И нечего раскисать. Мы на воле, и у нас в руках оружие. А на войне, как в драке, бывает всякое. Иногда стреляет самый слабый шанс.

– На какой войне, воитель? У нас вообще шансов нет.

– Есть, Вова, есть. Главное, лапки не складывать. Они к нам летают, значит, и мы сможем.

– Игорь, это чушь собачья. Мы в чужом мире, мы здесь как дети новорожденные – не знаем ни черта. Да нас первый встречный вычислит и сдаст. Если все это так...

– А ты еще не уверен, что это так? – Игорь обвел взглядом убогую комнату, неопределенно махнул рукой в окно, – тебе этого недостаточно? Или ты думаешь, ты в кино попал?

– Ты не нервничай. Если... раз мы оказались в лапах этих «гильбронатов», тряся их матери, этого их КГБ, или ЧК, или гестапо, я не разобрался, то вернуться тем же путем домой, отбить их гильбромашинку... Это как для сальвадорских партизан угнать ракету на Марс. Примерно та же задача – пройти с боями США, захватить космодром, быстренько обучиться пилотированию, дожждаться удачной фазы и домой. Только еще нужно, чтобы ракета была заправлена и готова к старту. И скафандры рядышком лежали. Шанс, конечно, есть. Но я лучше в горах поживу.

– Фигня. Если каждой пулей сбивать по вертолету...

– Ага. Только и этого будет мало. Надо, чтобы они и сами стреляли не в нас, а друг в друга. Тогда, может быть. Но маловероятно.

– Ладно, а что ты предлагаешь?

– Жить здесь. Месяц. Два. Всю зиму.

– В этой халупе что ли?

– Зачем? В горы уйдем. Жили же мы зимой на «Столбах». По несколько недель жили.

– Тю. Так там избушки, хавка горячая, и город рядом. Если что – за два часа спуститься можно.

– А здесь придется без избушек. И не спускаться. Схорониться как следует и зимовать.

– Ладно, зазимуем. А потом что? Шерстью обрастать будем?

– Господи, я поверить не могу...

– Газеты их читать будем. Вникать в ситуацию. Приемник надо раздобыть, подготовиться. Информацию будем собирать, и думать. Пока не придумаем что-нибудь действительно путное.

– А что, нормальный план. Хоть до весны доживем. К весне они точно нас искать перестанут.

– Искать они нас, похоже, никогда не перестанут. Но спешить глупо. Спешить нам уже некуда.

– Ну, значит, вертолеты на патрулирование перестанут высылать. И то полегче.

– Нам действительно многое понять надо, иначе как действовать?

– Ну... Например, зачем мы им вообще понадобились? И что они делают у нас? Почему бродят тайком, почему в нашем мире людей воруют? Почему именно в нашем? Ведь параллельных миров должно быть много.

– Может, они во всех воруют. А вот зачем? Разобраться надо, ребята. Нас пока потеряли, вот и слава Богу. А нам надо разобраться.

– М-да. А Ирину как? В горах лечить?

– В больницу ты ее здесь все равно не устроишь. Постараемся найти лекарства. Одежды теплой надо достать, хотя бы тряпок. Лена травками ее отпоит, корешками. Главное, устроить ей норку потеплее, да постель возле костра. Если место постоянное найдем, а мы его точно найдем, то Ирина поправится. Ноги в тепле будут, отогреется, отдохнет...

– Да ты представляешь себе, что это такое – всю зиму в горах?

– Представляю. И достаточно хорошо. Кстати, это почти все равно, что неделю, что всю зиму. Замерзнуть можно за одну ночь, для этого много времени не требуется. Нам надо либо пещеру карстовую найти, а они здесь встречаются, либо отрыть землянку с хорошим накатом и чтобы не подтекла.

– Лучше пещеру.

– Согласен, лучше пещеру. Вход закрыть, лапника на пол натаскать, очаг сделать, вытяжку, да так, чтобы дым столбом не выходил. Воды желательно источник.

– И сена свежего охапку. А как насчет следов? Нас же с вертолетов просто по следам найдут.

– Если будут патрулировать конкретно этот квадрат, то найдут. Но это вряд ли. Мы слишком далеко ушли, в какую сторону они не знают, вертолеты явно нас потеряли. Такую территорию уже не прочтешь, горючего не хватит. Да и зачем им нас искать с таким остервенением? Полетают еще недели две и бросят это дело.

– Точно. Будут ждать, пока мы сами попадемся. Выйдем куда-нибудь и влипнем, как кур в оцип. Или наскочим на кого-нибудь, кто донесет.

– А так и будет, если время не переждать. Самое опасное время. Кстати, здесь не только наши следы, тут пастухи ходят, местные, это раз; сам по себе покров снежный маленький, так как места засушливые, это два; ветра часто и поземки, так что старые следы заметет, это три. Хотя осторожность, конечно, соблюдать придется. Ходить по камням, тропинки не протаптывать.

– А есть ты что будешь?

– Друг друга будем есть. Жили же в этих местах пещерные люди, почему мы не проживем?

– У них скот был. Они охотились. А на них, наоборот, никто.

– Так тем более надо переждать. Схорониться. А тайга прокормит. Чего-нибудь найдем. И вообще, у нас слишком гнилая альтернатива. Лучше маленько похудеть, чем кушать в их камерах морковку.

* * *

Ивс пришел к Наде поздно. Ее район назывался Космос. Располагался он на отшибе и на небольшой возвышенности, но почему именно Космос не знал, наверное, никто. Обычный рабочий район, множество приземистых глиняных мазанок, спрятанных за глухими заборами и давно

потерявших от копоти белизну, да серые, пятиэтажные дома-коробки. Рядом проходила автомобильная трасса Орел – Крым. Раньше она упиралась в Москву; теперь туда никто не ездил. Ничего космического, даже аэродрома, поблизости не было.

Все здесь было тусклым, по углам домов расползались бесформенные пятна, на плохом асфальте тротуаров горами валялся мусор. Дома, похожие на бараки, большие, маленькие и очень большие, с узкими лестницами и крохотными комнатками – Ивса, выросшего в центре Европы, корбило от такой архитектуры. Но Надя не хотела переезжать. «Мне от тебя ничего не надо», – так она говорила, и Ивс знал, что это правда. Может быть, именно поэтому он приходил сюда снова и снова. Помойные баки, мусор, чахлые зеленые кусты, мертвый виноград, до сих пор оплетающий арку подъезда. Кислотные разводы на свежей, ядовито-зеленой краске. Скорлупа.

Он поднялся на пятый этаж, оставив охрану в подъезде, открыл дверь своим ключом, снял в прихожей плащ и ботинки и прошел в комнату. Надя курила, стоя у раскрытого окна. Пепельницу рядом почти доверху заполнили окурки, она никогда не выбрасывала их на улицу. На звук его шагов женщина не обернулась.

Он подошел к ней вплотную и обнял.

– Ты слишком много куришь.

Надя зябко повела плечами, сбрасывая его руки, и погасила сигарету.

– Какая разница.

– Что-то случилось?

– Нет. Ничего особенного.

– Что-то случилось.

– Просто сегодня был месячный отбор.

Ивс взял переполненную пепельницу, пошел на кухню и высыпал ее в ведро. Затем наполнил чайник желтой водой из крана – он долго ждал, пока она стечет, но вода осталась такой же желтой, и поставил его на плиту. Достал с полки початую банку растворимого кофе и две чашки, ручка одной из которых была наполовину сколота.

– Ты когда поставишь фильтр? Эта вода так же вредна, как и сигареты. Ее надо хотя бы отстаивать.

– Я хочу сдохнуть так же, как и все. Без фильтров на кране.

Ивс пожал плечами.

– Это несерьезно. У тебя обычная хандра. А от этой воды портятся зубы. И у меня, между прочим, тоже.

– Ты!.. – Надя стремительно обернулась к нему, глядя близко, глаза в глаза, в упор, немигающим взглядом бешеной ведьмы. – У тебя зубы портятся? У тебя может начаться кариес? Ты, бедняга, устал на работе, устал принимать о нас решения, измучился, выдумывая для людей новую химическую дрянь. А я сегодня детей сортировала, ты это понимаешь? Что ты можешь понимать? Я детей сортировала, на живых и мертвых, сортировала живых детей, пока еще живых, которые смотрели на меня и улыбались!

– Надя... Но это не так. Не совсем так. – Ивс подцепил ногтем сломанную спичку. Серы на ней

почти не осталось.

– Это так, Ивс. Это именно так. Потому что всем, кто не прошел нашу поганую медкомиссию, одна дорога – в печку. Потому что твой проклятый город не может прокормить своих собственных детей. Он называет их выродками. Уродами. Мутантами. А это дети, понимаешь? Это живые дети. Это больные дети. Они плачут. Им плохо без отца и матери. Они некрасивы, но они мне радуются, и улыбаются в каждый мой приход. А я...

– Надя, у тебя истерика. Успокойся, – спичка в его пальцах разломилась на несколько крошечных кусочков. – Это, кстати, твой город. Я немец.

– Какая разница, у вас то же самое. К черту, Ивс. Нет у меня никакой истерики. Я устала, я пустая внутри. И меня тошнит от этой жизни.

Он опять ее обнял. Ее тело била мелкая дрожь. От нее пахло крепкими сигаретами.

– Ты расслабься, не думай ни о чем. Или вот что... Может, ты хочешь чего-нибудь?

Надя вдруг отстранилась от него и на мгновение замерла, затем кивнула.

– Да. Я хочу в церковь.

Ивс усмехнулся.

– Надя, ну что за блажь. Ты же знаешь, что бога нет. И церкви в Запорожье нет. Все это только мишура и побрякушки, а у тебя потом будут неприятности.

– Да, я знаю, что бога нет. Если бы он был, он не допустил бы всего этого. Или, может быть...

– Что может быть?

– Или, может быть, мы в аду.

Потом они долго пили чай. Серое, пыльное солнце, намаявшись за день, клонилось к закату, по стенам лениво шевелились тени. «Не выходите на улицу без респиратора и головного убора, не делайте глубоких вдохов, ежедневно проверяйте швы на защитных плащах».

Летом здесь было жарко, очень жарко. Раскаленный воздух дрожал над асфальтом, тополинный пух сбивался в невесомые белые кучи – до первого кислотного дождя. Летом здесь было плохо. Но лето давно кончилось. Начиналась золотая осень.

Лучшая, благодатная пора на Украине. На черных от химии полях вызревал урожай. Налитые едкой влагой тучи выжигали дождями остатки жухлой зелени. Еды, даже самой грубой, не хватало на всех.

* * *

– Женя, вас ведь Женя зовут? Можно вас спросить? – Зоя шептала, потому что скалолазы уже начали засыпать.

– Господи. Можно.

– У вас там действительно в море купаются? И это не вредно?

– Конечно. Хотя нет, не везде. Возле Одессы иногда пляжи закрывают ненадолго, ну, и еще кое-где. Но все равно купаются.

– Прямо в воде? Без резиновых костюмов?

– Ну конечно. Кому охота париться. Если только аквалангисты.

– И кожа потом не облазит?

– Не понял. Зоя, что тут у вас творится? У вас что, в море зайти нельзя?

– Нельзя. У нас тут ничего нельзя. Ничего. Мне Оксана рассказала про вашу жизнь, это как сказка.

Женька удивленно хмыкнул.

– Да какая сказка. Жизнь как жизнь. Свои проблемы.

– И дышать везде можно? Без респиратора?

– Зоя, вы шутите, что ли? Что-то я не замечал, чтобы здесь кто-то респираторами пользовался.

– Это у нас, в горах. Здесь одни пастухи. И воздух чистый, только иногда, когда ветер от Барнаула, немножко идет газ. Нас тогда по радио предупреждают. А в городах просто так давно никто не ходит. Или противогаз, или респиратор. Или, как у вас, носовой фильтр. Только их мало, фильтров. А иначе нельзя, иначе за один день можно легкие погубить.

– И давно это у вас так?

– Давно. Всегда так было. Правда, мне кажется, что каждый год все становится еще немножко хуже. Но, может быть, мне это только кажется. И еще плащи специальные есть. С застежками. – Зойка заерзала. Руки ее дернулись было показать, где застежки, но потом упали. – А мне, Женя, знаете, с детства море снилось. И как я в нем купаюсь, иногда, или просто на песке лежу, и как будто волны вокруг соленые, и тепло, и чайки. Представляете? Прямо в воде, всем телом. Прямо в воде. Мама сначала говорила, что это к болезни. Что это плохой сон, когда снится, что ты плаваешь. Но я не болела, никогда ничем не болела. А мама кашляла. Все время кашляла. И потом я заметила, что после того, как я рассказываю этот сон, она плачет. Тогда я перестала его рассказывать. Но море мне снится до сих пор.

– А где сейчас ваша мама?

– Она умерла в прошлом году.

– Извините.

Зоя сидела нахохлившись – маленькая, угловатая девушка, почти подросток, в нелепом выгоревшем платье.

– А телевизор у вас работает?

– Что?

– Ну... – Женька замялся. Он понял, что этот прибор называется здесь как-то иначе. – Вот эта вот... хренотень. Судя по внешнему виду, это то, что у нас называют телевизором.

– А... – Зойка пренебрежительно махнула рукой. – Работает, натюрлих, как он может не работать. Но мы научились его выключать.

– Не понял. Что значит, научились выключать? Это что, сложно?

– Не сложно, но не разрешается. Он все время должен работать. И тогда все слышно, что в комнате говорят. Да и надоедает. Орет одно и то же. А у вас не так разве?

– Нет, конечно. У нас кому как хочется, выключил, включил, переключил. Кстати, сколько у вас тут программ? Одна? Две?

– Что значит про грамм? При чем тут граммы?

– Ну, телевизор вы можете переключить? Чтобы он вместо одной программы другую показывал?
– совсем рядом зашевелилась, вздохнула во сне Оксана, и Женька стал говорить еще тише.

– Как это? Если идет съезд или какая-нибудь песня, так что там может быть еще?

– Что-нибудь еще. Что-нибудь другое.

– Но экран-то один. Нельзя же смотреть сразу съезд и что-нибудь другое. Как, например, нельзя надеть сразу два пальто.

– Но можно выбрать из двух пальто, какое ты будешь надевать. Это как в радиоприемнике. Разные станции. Какую хочешь, такую слушаешь.

– А... – видно было, что Зойка поняла. – Здорово. Нет, у нас такого нет.

– Понятно. Одна программа.

Зойка хмыкнула.

– Говорите вы как-то чудно. Программа, пролитра. А почему вы с немцами воевали?

– Как почему? Напали они на нас. В сорок первом.

– Вот, Оксана тоже говорила. Как это может быть, чтобы немцы на русских напали? Вот это мне у вас непонятно. И долго вы воевали?

– Долго. Почти пять лет.

– Ну, это не очень долго. Это ерунда. – Зойка сонно зажмурилась и зевнула. – Интересные вы ребята. Я, наверное, завтра с вами пойду.

Сообщив такую новость, она свернулась калачиком, набросила на плечи старое, очень ветхое пальто и спокойно уснула. Женька, напротив, задумался. На какое-то время сон у него улетучился, но затем он тоже зевнул и благодушно махнул рукой.

Вскоре спали уже все – и хозяйева, и гости.

Через два часа в комнату вошел продрогший во дворе Игорь. С трудом растолкал Мишу, отдал

ему полушубок и улегся на его место, свернувшись огромным холодным клубком.

Набор текста авторский
Last update 12.02.2000г